ОНТОЛОГИЯ. РОЛИ СУБСТАНЦИЙ В КОНСТРУКТИВНОСТИ

В.А. Сахно, - преподаватель, Южный Федеральный Университет, г. Ростов-на-Дону

Аннотация: В статье рассматривается, в примерах, роль субстанций в генезисе мира. Развиваясь эволюционно, человек создавал не только вещественную среду (дома, улицы, заводы, станки, автомобили, гаджеты, продукты, ...) , но и семиотическую среду своего обитания (язык, знания, социальное время, физические меры, юриспруденцию, деньги, ...). Вещественная среда подчинялась человеку, а семиотической среде должны подчиняться все в равной степени - это и есть онтологический идеал общества.

Ключевые слова: эволюция, вещественная среда, семиотическая среда, онтологический идеал общества

ONTOLOGY. The ROLE of SUBSTANCES IN CONSTRUCTIVE

V. A. Sakhno, lecturer, southern Federal University, Rostov-on-Don

The article considers, in examples, the role of substances in the Genesis of the world. Developing evolutionarily, man created not only the material environment (houses, streets, factories, machines, cars, gadgets, products, ...) , but also the semiotic environment (language, knowledge, social time, physical measures, law, money, ...). The material environment was subordinated to man, and the semiotic environment must be subject to all equally - this is the ontological ideal of society.

Key words: evolution, material environment, semiotic environment, ontological ideal of society

Субстанции как базис онтологии

Интересно, что определение философии как «любви к мудрости» на протяжении истории себя мало оправдывало. Не успел Платон разработать свои

положение об эйдосе в диалоге «Софист», как Аристотель их уже критикует его в своей «Метафизике».

Или вот. Наиболее устойчивое представление о субстанциях появилось у Декарта, который предполагал их двойственность: протяженность и мышление (организационность). Но уже через несколько десятков лет, родившийся позже, Спиноза снова вернулся к идее наличия одной моно-субстанции и множества атрибутов к ней. И где же мудрость преемственности? Естественно, что делал Спиноза это с благими намерениями, «под флагом» теологии (единый Бог).

Много позже, Гегель снова вернулся к идее двух субстанций: пассивной и активной в «Наука логики», но практического применения они у него не нашли. Отдавая дань истории, эти названия и оставил в своих представлениях [1].

Субстанции мыслимы как единство конструктивности, так и в сопоставлении друг с другом. В одной из своих работ я приводил как метафору самоорганизующихся систем – барханы [2]:

«Бархан «двигается» по пустыне за счет двух физических аспектов: энергии ветра, которая поднимает песок на гребень бархана с ветреной стороны, и энтропии, заставляющей песок устремляться вниз с другой стороны, к устойчивому статическому равновесию. Осыпавшийся песок через определенное время, за которое бархан сделает свой «шаг», снова окажется с ветреной стороны – круговорот. Движение песчинок – случайны, «движение» бархана – закономерно. Бархан – простейший способ самоутверждения организованности.»

Главными факторами этого движения - «бархан», выступают глобальные субстанции: активная и пассивная, которые в данном локальном случае передаются как энергия (асимметрия) и энтропия (симметрия).

Основные идеи о субстанции изложены в статье [1]. Здесь же я продолжу эту тему, акцентируя больше внимания на их самоподобие и специфику субстанций в социуме.

Специфика субстанций (роль) в обычных конструкциях

В позиционной онтологии Платона центральным моментом является эйдос, поскольку он осуществляет конструкцию сущего. Но сами по себе эйдосы отличаются конструктивной загруженностью. Так эйдос числа, в своей фрактальной деятельности, представляет собой образец порядка, поскольку является самым востребованным технологическим (онтологическим) «эталоном» :

полагание – единица – ряд – группировки (разряда) – представление

Именно в этом смысле А.Ф. Лосев писал, что античный космос «устроен числом». Единица здесь сущность - пассивное/активное, диалектическое отношение двух субстанций: активной (акт) и пассивной (знак). Характерной особенностью двух субстанций является то, что пассивная всегда выступает как явная, а активная неявная.

Есть эйдосы, которые природа задала «жестким» образом (и для этого есть основания). Например, эйдос динамики материальной точки [3]:

dm/dt – mV – m(dV/dt) – mVV/2 – mV(dV/dt),

где **m** – масса, **V** – скорость (**dx/dt**), **x** – расстояние, **t** – время.

Здесь субстанции: **x** – расстояние (пассивная) и **t** – время (активная) представлены в эйдосе явно. Но экзистенциально они не равнозначны. Расстояние мы всегда зрительно видим, а время нет! Когда бильярдный шар движется по столу, мы понимаем движение умственно, ментально, благодаря внутреннему чувству времени (И. Кант).

«Прочувствовать» конструктивный характер субстанций можно в эйдосе линейной геометрии:

точка – линия – угол – плоская фигура – объемная фигура,

для которого субстанциями являются: направление (активная) и расстояние (пассивная). Вот на рисунке №1 для наглядности показана конструктивная изменчивость, достигаемая с помощью варьирования

субстанций:

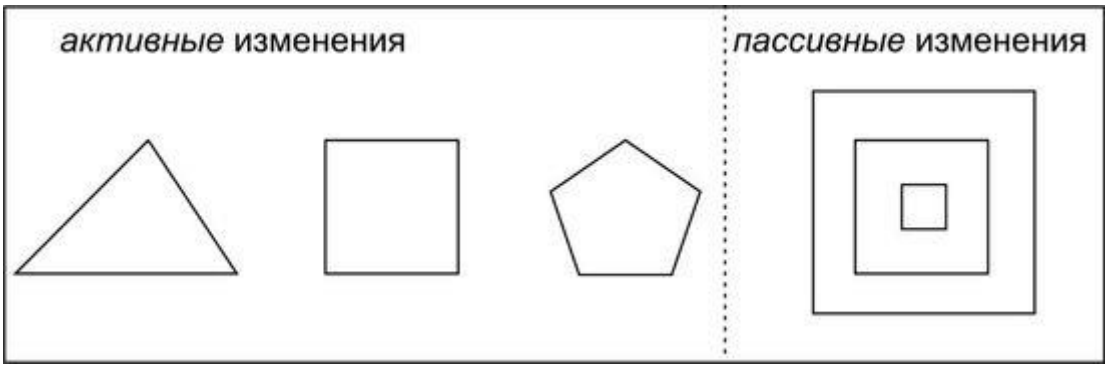

Рис. 1. Влияние субстанциальных изменений на геометрию фигур.

Изменение внутренних углов (активного) ведет к принципиальному «кванту» в форме: треугольник → четырёхугольник → пятиугольник. Изменение в расстояния (пассивного) ведет к количественному плавному масштабированию. Для природы обе субстанции равноценны по значимости. Ведь в технологии эйдоса они обе принимают участие. Но специфику технологической нагрузки они несут разную, так же, как и экзистенциальную – явную и неявную.

Особенностью активной субстанции является ее контекстная зависимость и релятивность. Например, каждое направление линии многоугольника зависит от других направлений линий. Расстояние сторон (пассивное) многоугольника – абсолютны в этом смысле.

Вся жизнь организма основана на химических реакциях. Особенностью химических реакций является то, что химических элементов громадное множество, а операций практически две: реакция соединения (конвергенции) и разложения (дивергенции). Как и в случае геометрии в результате реакций мы имеем «квантовый» эффект

Реакции обмен и замещения, которые обычно изучают в школе, в итоге, сводятся к этим двум первоначальным реакциям комбинаторно. Таким образом, мы возвращаемся к стандартной ситуации «части» (набор составных частей реакции – пассивное) и «целому», понимаемому как особой формы химического движения – активное.

В процессе усложнения химических элементов, возникли реакции более адаптивного, эволюционного плана. Так, процессы реконструкции на ДНК унифицировались к конвергенции (структурированию, пассивное). А процессы реконструкции в белках стали определять более дивергентные процессы (функциональные, активное). В конечной форме весь организм разделяется на его вещественную, структурную часть (пассивное) и функциональную, семиотическую часть (активное).

Известно, что в механике перемещений существует прямолинейное и круговое движение (любое движение – есть обобщение этих двух). В терминах субстанциальности, используя метафору, прямолинейное движение соответствует активной субстанции, а круговое – пассивной. Такое представление расширяет эволюционное понимание изменчивости (прямолинейность) и устойчивости (цикличность) в существовании живого мира.

Известно, что высший уровень регуляции организма осуществляют нервная и гуморальная регуляция:

«Регуляция функций клеток, тканей и органов, взаимосвязь между ними, т.е. целостность организма, и единство организма и внешней среды осуществляется нервной системой и гуморальным путем. Другими словами, имеем два механизма регуляции функций - нервная и гуморальная.»

Интересно, что приоритет наука отдает нервной системе:

«Гуморальная и нервная регуляция осуществляются в единстве. Главенствующая роль отводится ЦНС, головному мозгу, являющемуся как бы центральным штабом управления жизнедеятельностью организма.»

Соответствует ли это онтологической истине? Сейчас доподлинно известно, что даже на уровне мозга активную роль в жизнедеятельности играют, к примеру, такие медиаторы как серотин, известный как «гормон счастья». Погоня за «счастьем» приводит порой к наркомании, и никакой «разум» часто не способен тут противопоставить свои доводы.

Поэтому вопрос о субстанциональной классификации нервной и гуморальной регуляции будем решать из наличия ведущих признаков: «части» (пассивное) или «целое» (активное). Известно из эндокринологии, что гуморальная среда создает генерализованную реакцию (адреналин, инсулин), а нервная система, уже по своей морфологии, связывает «части». Поэтому в нашей субстанциальной классификации (на уровне всего организма) нервная система играет роль пассивную, а гуморальная среда – активную.

Синтаксическая и семантическая информация

Как считают авторы Artemy Kolchinsky и David H. Wolpert довольно значимой статьи об информации «**Semantic information, autonomous agency and non-equilibrium statistical physics**» сама информация, принципиально, делится на две: синтактическая и семантическая.

Если «передатчик» послал, а «приемник» принял информацию в виде некого кода, например, «1110» то сам текст несет в себе два смысла. Первый связан с ***явной*** синтактической информацией по К. Шеннон, мы предадим ей субстанциальный статус пассивной. А вторая имеет **неявный**, семантический характер - активная. Как минимум, надо знать – это число в двоичном или десятичном формате, и какова ее конечная цель. Это может быть расстояние между городами в километрах, а может быть чек за покупку в магазине если это число в десятичном коде («одна тысяча сто десять»). Вот что пишут сами авторы:

«Теория информации Шеннона предоставляет различные меры так называемой синтаксической информации, которые отражают объем статистической корреляции между системами. В отличие от этого, понятие "семантическая информация" относится к тем корреляциям, которые несут значение или "значение" для данной системы. Семантическая информация играет важную роль во многих областях, включая биологию, когнитивную науку и философию. В этой статье мы вводим такую теорию. Мы определяем семантическую информацию как синтаксическую информацию, которую

физическая система имеет о своей среде, которая причинно необходима системе для поддержания своего собственного существования.»

Как и в случае с линейной геометрии, сразу ясно, что семантическая информация контекстно зависимая, относительная, в нашем понимании – активная. А синтактическая информация имеет более абсолютный характер – пассивного. Для нас эта статья имеет особый смысл в плане обращения к биологическим объектам, где опять мы встречаемся с двойственностью того же характера.

Генотип и фенотип

По запросу google («генотип и фенотип»):

«**Генотип** — это совокупность всех генов организма, являющихся его наследственной основой. **Фенотип** — совокупность всех признаков и свойств организма, которые выявляются в процессе индивидуального развития в данных условиях и являются результатом взаимодействия **генотипа** с комплексом факторов внутренней и внешней среды.»

Обращает на себя то, что генотип представлен вещественно (явно – по сути, длинная нить молекул), а фенотип представлен признаками и свойствами (не вещественно, неявно). Последние исследования ДНК в эволюции (эво-дево, evo-devo) дают веские основания считать гены очень устойчивыми образованиями, что свойственно пассивной (вещественной) субстанции.

Интересно об этом пишет Шон Кэрролл в своей известной книге «Бесконечное число самых прекрасных форм. Новая наука эво-дево и эволюция царства животных». Рассматривая гены дрозофилы Кэрролл находит их остатки у человека. Но более всего его интересует вопрос, почему у мыши и человека во многом схожий состав генов (материал изготовления), а организмы сильно отличаются:

«В результате секвенирования полной последовательности ДНК разных видов животных (их геномов) стало известно, что у дрозофилы и человека имеется большой набор общих генов развития; более того: у человека и мыши

29 000 идентичных генов, а человек и шимпанзе на генетическом уровне идентичны почти на 99%.»

В своей книге Кэрролл дает формальный ответ на свой вопрос: мышь и человек отличаются не столько генами (пассивным), сколько механизмом сборки (активное), в котором участвую гены и белки, образуя контекстно эмбриональному развитию «переключатели», определяющие сборку конечного «продукта».

Нам очень важно сделать свой, онтологический вывод (скорее даже подтвердить), что генотип выражает пассивную субстанцию, а фенотип – активную. Это и объясняет, почему из практически одного и того же «вещества», получаются разные «изделия».

Это важно понимать, потому как такие исследователи как Ч. Докинз, написавший известное произведение «Эгоистичный ген», гиперболизируют неправомерно одну, «вещественную» (пассивную), сторону вечного процесса глобального метаболизма, принижая его «духовную» (активную) сторону. А ведь это она дала разнообразие «плодов» эволюционного дерева.

Объект и субъект

Запрос google.ru («субъект и объект»):

«**Субъект** — существо, обладающее сознанием и волей, способностью к целесообразной деятельности, направленной на тот или иной предмет; человек, познающий и изменяющий окружающий мир. Предмет, на который направлена практическая или теоретическая деятельность человека, представляет собой **объект**.»

Возникшее в философии конструктивная пара: объекта (пассивное) и субъекта (активное), как результат процесса творческого познания, перекачивало и в другие сферы жизнедеятельности. Например, в политическую сферу где стало синонимом властных отношений самого разного плана. Это и производственные отношения начальника и подчиненного, это и

законодательное отношение разного типа: президент и народа, законодатели и исполнители и т.п.

Тут интересен психологический акцент, который произошел с этими понятиями в социуме. Они разделились! Ясно, что власти нет без властелина и подчинённого, это неразрывная, субстанциальная пара. Тогда вопрос, как произошло обособление этих понятий?

У философа Д. Агамбен в его книге «Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь» есть глава «Парадокс суверенной власти», где он пишет:

«Парадокс суверенной власти гласит: «Суверен в одно и то же время находится внутри и за пределами правовой системы». ...Это означает, что парадокс можно также сформулировать следующим образом: «Закон находится вне себя самого», или: «Я, суверен, находящийся вне закона, заявляю, что положения вне закона нет».»

Но уже следующая глава у него называется «Закон царь [всех вещей]» и речь идет о номосе. Номос определяется так:

«Номос - такая форма организации бытия, которая устанавливает наиболее гармоничные соотношения как внутри социального ансамбля, так и между этими ансамблями. В номосе проявляются природные и культурные особенности человеческого коллектива в сочетании с окружающей средой.»

Номос «держится» на норме:

«Каждая общая норма нуждается в нормальном структурировании жизненных отношений, к которым она должна, в действительности, находить применение и которые она подчиняет своему собственному нормативному регулированию.»

В таких представлениях, выход за пределы закона (номоса) – создает ситуацию исключения (из нормы), которую уже можно трактовать как вину. В этой ситуации актуализирует закон суверен. Но суверен и субъект – это «разные вещи».

Останавливаюсь здесь на одной важной мысли. В физике идеалы (нормы) используются, когда пренебрегают некими сторонними необратимыми потерями (например, в колебательном контуре или в столкновении бильярдных шаров). Вот если трактовать эти необратимые потери как «исключения» Агамбена, то получим полный онтологический параллелизм между физикой и социумом: существуют некие общие законы и «исключения» из них.

Социумные субстанции

В отличии от биологии с ее генотипом и фенотипом для социума (в целом) нет устоявшихся терминов, соответствующих глобальным субстанциям (кроме объекта и субъекта). Однако нам известны споры социологов и экономистов. Многие экономисты утверждают, что сама экономика невозможна без политической сферы. Мы опять встречаем проблему «материального» и «идеального».

Но социальное развития от первобытнообщинного начиналось с индивидуальных возможностей и общих правил (социума) - институтов. Эти правила предполагали отношения между членами общества и способ их личного существования. Вот эти отношения и способ существования выродились в представление о власти, как некоторого соотношения индивидуального и общего. Власть принимала устойчивые состояния, поскольку была выгодна всем. И исторически свергалась, и переустанавливалась, когда это отношение было не выгодным.

Определяющим институтом активного в социуме является язык. Если систему понимать, как «элементы и связи», то «элементы» - пассивное, а «связи» - активное. В таком представлении, язык обеспечивает коммутационную среду. Первоначально индивид его осваивал внутри семьи. Дальнейшее образование происходило в социуме, как социализация, когда индивид становился частью социальной структуры в профессиональном смысле, а позже в социальном. Эти уровни ранее [4] мы обозначали следующим образом:

Уровни	Наименования
1↓	семантический (мыслительный)
2↓	семиотико-лингвистический (личностный)
3↓	общеобразовательный (коммутативный)
4↓	профессиональный (производственный)
5↓	социальный (идейный)

Таб. 1. Фрейм социумный когнитивности.

Но эта таблица описывает личностное продвижение по социумной «лестнице». Т.е., по мере развития цивилизации общим итогом, мы видим, как вещественное (пассивное) развитие в виде зданий, сооружений, объектов техники и быта, так и развитий соответственной семиотической материи (активное) в виде научно-технических знаний, юридических законов самого разного уровня, всевозможных правил и алгоритмов, от пользования сливным бочком или высокоинтеллектуальных гаджетов.

И вот тут важно понять, что если вещами мы владеем, то семиотическая материя «владеет» нами. Или говоря проще – она имеет над людьми ***равную*** власть! Мы пользуемся этим, когда приходим и протягиваем купюру номиналом пять тысяч рублей продавцу в магазине независимо от личности.

Сама денежная купюра, как материальный носитель власти, стоит немного – несколько рублей. А остальное в ней – власть семиотической материи, выраженная числом. А как иначе? Ведь наше желание жить, выраженное как потребности использовать материальные объекты (продукты, к примеру) – это неявное.

Единственный путь выразить это неявную активную субстанцию присущую всем (так же как направление в геометрии) – это определиться в «правилах игры». Вот «правила игры» и разрешают пользователю купюры

приобрести от общества блага. Но «правила игры» обусловлены онтологией (устройством мира).

Так что же получается? Какая-то купюра имеет власть над человеком? – Да! Именно так это и надо понимать! Точно так же как молекулы гормонов (пусть адреналин) имеют власть над организмом. Надо понимать, что купюра имеет власть над каждым членом общества. Это ее универсальное онтологическое свойство. Точно такой же «властью» обладает электрическое поле над электронами в поле своего влияния.

Двойственность у социологов

Сразу отмечу, то, о чем пишут классики социологии, я интерпретирую на языке позиционной онтологии. Сами они об этом, наверняка, не догадывались. Но таланты тем и отличаются, что всегда приближаются к онтологическому идеалу.

Образ социума как организма, проходит темой у многих социологов. Так А.А. Зиновьев в своем произведении «Запад» писал:

«Социальный организм состоит из клеточек. Он состоит из отдельных людей лишь постольку, поскольку из них образуются клеточки или поскольку они функционируют как клеточки. ...

Клеточки современного общества разнообразны. Они различаются по размерам, по структуре, по специализации, по статусу, по продолжительности существования и по многим другим признакам.»

Как мы знаем, залогом правильной логики может быть дихотомия. Поэтому Зиновьев вводит принципиально две категории клеток:

«Клеточки разделяются на две группы по такому признаку. К первой группе относятся клеточки, которые обеспечивают все общество пищей, одеждой, жильем, средствами коммуникации и прочими средствами удовлетворения потребностей людей. Назовем их продуктивными или **деловыми**. Ко второй группе относятся клеточки, которые обеспечивают целостность и охрану общественного организма, общественный порядок,

выработку и соблюдение правил поведения людей и их объединений относительно друг друга. Назовем их **коммунальными**. Различие их не является абсолютным.» (Выделено мной – В.С.)

Итак, Зиновьев делит все общество, по некоторому признаку, на два аспекта: деловые и коммунальные.

Маргарет Арчер в своей статье «Реализм и морфогенез» («Теория общества». Сборник / Пер. с нем., англ. / Вступ. статья, сост. и общая ред. А. Ф. Филиппова. — М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 1999. 416 с.) тоже придерживалась двойственности, кратко называя такое представление М/М-теорией (Морфогенезис/Морфостазис). И опять мы встречаем гомологию с организмом.

Дуальность М. Арчер сводилась к двум (в современном представлении – системным) обобщенным аспектам: функциональной деятельности (морфогенезис) и реструктуризации (морфостазис). Вот что она сама пишет:

«М/М-подход настаивает на необходимости поддерживать аналитическое различение структуры и деятельности, чтобы трансформационная модель могла доказать свою работоспособность, т. е. выполнять ту работу, в которой нуждаются практики социального анализа.»

Характерным моментом является приоритет деятельности (активное) при паритете структурности (пассивное):

«Характерная особенность социального состоит в зависимости от деятельности. Без человеческой деятельности ничто в обществе не может возникнуть, постоянно существовать и изменяться.»

Характерной особенностью М. Арчер, является признание ей онтологичности знания:

«Обратимся к культуре. Ясно, что появление и накопление человеческого знания было непосредственно связано с деятельностью. Тем не менее, будучи однажды записано (вырезано рунами или покрываясь пылью в Британском музее), оно остается знанием без непосредственно знающего субъекта. Это

Знание с большой буквы, поскольку оно сохраняет диспозиционный характер* быть понятым. Даже будучи никому неизвестным, оно потенциально сохраняет силу** (в противоречивости и дополнительности по отношению к другим элементам культуры), которая сохраняется, и не будучи применяема. Онтологически оно существует; и, если заключенная в нем теория истинна, если описываемый им метод применим на практике, или содержащееся в нем утверждение можно проверить, то оно остается знанием, совершенно независимо от того, знают ли о нем, используют ли его, верят ли в его истинность актуальные деятели. О реальности знания мы можем судить по возможным последствиям от его применения. Старинное снадобье, обладающее лечебными свойствами, будет лечить и через сто лет, если его рецепт заново обнаружат и опробуют.»

Итак, знание «сохраняет силу» даже сквозь века...

Выводы

Тема приоритета «духа» над «материей» звучала еще в античной философии. В большей, чем другие, мере «продвигал» ее Платон с его идеями и эйдосами. В наиболее интересной форме это проявлено в учении о «меоне», пластичном универсальном материале – потенции всего сущего. Вот что писал А.Ф. Лосев в «Античный космос и современная наука», обсуждая пифагорейство»:

«В них чувствуется в скрытом виде позднейшая диалектика, в особенности если мы примем во внимание, что Эфир отождествлялся с Нусом, а Хаос — с пространством, или, точнее, меоном.»

«... всякая реальная вещь состоит из взаимопроникающихся эйдоса (идеи) и меона.»

Двойственность мира (Свет и Тьма, Эфир и Хаос, ...) понималась античными философами широко, но принципиально верно – именно в диалектическом плане, как суть развития.

Власть семиотической материи основывается на необратимости движения. В экзистенциальной форме это относится прежде всего к времени. Поскольку время не возобновляемый ресурс, оно накладывает свой субстанциальный отпечаток активного на все процессы. Собственно, именно движение («многое», «целое») как активное обладает приоритетом над паритетным пассивным («одно», «части») [5].

В физике, сущность **v=ds/dt** субстанциально двойственна, но неразделима по отдельности процессуально. Все меняется для живого в иерархической термодинамике Г.П. Гладышева, где сущность глобального метаболизма представлена как иерархическая темпоральность, в которой более темпоральные («быстрые по жизни») сущности не вносят статистически значительные изменения в жизненный процесс [6].

Погибнет ли клетка желудочного эпителия через свое среднее время существования пять минут – это не скажется на периоде всего организма 70 лет. И точно так же на уровне общества: смерть любого индивида не влечет за собой смерть социума. Но именно по той причине, что любой новый «элемент» будет сохранять «правила игры». Для индивида это «обидно» и он всячески не хочет признавать мало значимость «одно» перед превалирующей значимостью «многое».

На самом деле, организменная жизнь для индивидов не представляет эсхатологической угрозы, а только дает шанс служить вечности, через понимание и осуществления эволюционных «правил игры». А эти «правила игры» держатся на том, что семиотическая материя служит ***всем*** в равной мере. Выражение: «Все равны перед законом» - это о семиотической материи, которая является клеем для существования социума. И от того, как решается этот вопрос в социуме – зависит его здоровье [7].

Особенно это явно проявляется в отношении денег. Сколько не пишут о деньгах, но всегда забывается, что **деньги прежде всего это знак**! Такой же как любое слово: дом, отец, карандаш, деньги, получил, отдал, ... Онтологические

принципы (идеала) запрещают использовать знак, индивидам и группам лиц, как источник «добывания» власти. А это всегда происходит при наличии частной ренты, будь то дивиденды и ли проценты на деньги (капитал). Или ренту номенклатурного плана (по статусу) [8].

На ренту, которая и создает капитал, идет интеллектуальная атака (пока безрезультативная). Так, Тома Пикетти, написавший известное произведение «Капитал в 21 веке» в своем известном неравенстве: **r > g** , смысл которого в том, что темп роста капитала (**r**) превышает темпы роста дохода (**g**) экономики в целом, отразил антиобщественную суть капитала. Или вот, известный экономист Уле Бьерг в своем интервью утверждает: «Нужно, чтобы ваши рубли лежали не в Сбербанке, а в Центробанке России». Действительно, «добывание» денег банками ничего не прибавляет к экономике страны. Деньги, по субстанциальной принадлежности, играют роль в обществе одновременного регулятора справедливости («по труду») и гармонизатора необходимых структурных изменений, а не добывания личной власти через власть семиотической материи. Общеизвестное выражение: «Закон для всех одинаков!» имеет онтологическое абсолютное происхождение. Другое дело – как его реализовать на практике? Принцип:

вещественная среда подчинялась человеку, а семиотической среде должны подчиняться все в равной степени,

приводит нас к концепции справедливого общества [9] (отологическая идеализация) с отсутствием частной ренты и тем самым реализации «по труду».

8.3. Глобальные субстанции являют собой проекцию на все в этом мире, в частности, на представление о сущности и модальности. Сущность входила в основание десяти категорий Аристотеля. В википедии дано так:

«**Субстанция**, или «**сущность**» (др.-греч. Ο σία). Слово «предикат» означает предикат сущности, если соответствующая ему характеристика вещи ни на чём, кроме себя, не основана. «Этот единичный человек» или «это единичное дерево» являются сущностями. Ниже в тексте Аристотель называет

эти особенные сущности «первыми сущностями» отличая их от «вторых сущностей», которые являются универсалиями. Следовательно, «Сократ» — первая сущность, в то время как «человек» — вторая сущность.»

Эта неопределенность (двойственность) в определении сущности Аристотелем критиковалась многими. Однако, если смотреть на взгляды Аристотеля через призму всех его работ, и в частности, его «Физики» с его «первичным неподвижным двигателем», покой и движение которого были ортогональны друг другу, то можно предположить, что Аристотель был близок к идее дуализма субстанций.

Наш опыт исследования эйдосов (куда сущность входит во второй статус любого эйдоса) с большой долей достоверности позволяет определить онтологическую сущность через субстанции в общем виде [1]:

[сущность] = [*пассивное*]/[*активное*]

Надо сказать, что такое определение сущности во многом совпадает с представлением о модальности в философии:

«**Модальность** (лат. Modus — способ, вид) — способ, вид бытия или события; категории модальности: возможность, действительность, необходимость;»

Тогда между определением сущности и представлениями о модальности (Медова А.А. Онтология модальности (диссертация), Красноярск – 2016) есть определенный смысловой изоморфизм:

[действительность] = [необходимость]/[возможность]

Сама Медова пишет о модальности следующее:

«Модус есть фундаментальное онтологическое понятие, обозначающее способ, образ бытия, «существование как». Понятия модус и модальность часто употребляются в философии и других сферах знания как синонимы. В аутентичном смысле модус –это онтологическое или логическое измерение объекта, инобытие сущности в материи, мышлении, психике или языке.

Модальность – это единство полноты, сплошности и простоты при сохранении многообразия и различий. Модальность не может быть привнесена и добавлена к сущему.»

Исходя из конвергентных задач философии и громадной роли в ней субстанций, можно образно сказать, что ***сущность*** **является душой философии, поскольку является онтологической проекцией неподвижного двигателя Аристотеля, запускающего эйдетические созидательные процессы «по образу и подобию».**

Литература

1. Эйдос. Субстанции пассивности и активности

2. Синтез эйдосов. Химия. Жизнь

3. Эйдетический язык физики. Сила

4. Онтология когнитивности

5. Онтология. Паритет «одно», приоритет «многое»

6. Античность. Аристотель. «Целое больше суммы своих частей»

7. Здоровье – уникальная характеристика организменности

8. Мартьянов В.С. Капитализм, рента и демократия, Журнал институциональных исследований), 2017, Том 9 (номер 1), с. 51-68

9. Эйдос. Проблема справедливости